ПЕПЕЛЬНЫЙ ЛЁД: ТЕНИ ПРОШЛОГО

ПАУЛИНА АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

18+

Паулина Александровская

Пепельный лед: тени прошлого

https://litres.ru/73549838
SelfPub; 2026

Аннотация

Легендарный дуэт Вероники Романовой и Степана Ростовского на грани распада. Их любовь, застывшая на льду, трещит по швам из-за невысказанных обид и ошибки, которую они помнят, но не называют. Олимпиада — их последний шанс. Но появление Ангелины Вороновой вскрывает прошлое: каждый раз, встречая её, Вероника чувствует, как воспоминания режут душу, а Степан сжимает кулаки. Ангелина точно знает, куда давить — на то, что они пытались забыть три года назад. Что, если это прошлое вернётся — и потребует расплаты? Фигурное катание здесь — поле битвы, где каждый взгляд может стать ударом. Начало книжного сериала: ответы — в следующей части.

Паулина Александровская
Пепельный лед: тени прошлого

ПЕПЕЛЬНЫЙ ЛЁД
Тени прошлого
Часть первая
Паулина Александровская.

ПРОЛОГ
СТЕПАН.

Если бы я знал, что твое лицо будет последним, что я увижу, прежде чем шагнуть на ослепительный белый лёд, я бы никогда… не задался вопросом, что лежит за этой гранью.

Клянусь, я бы сделал всё, чтобы никогда… я бы никогда не позволил ему стать моим последним вопросом без ответа. Никогда не позволил ему стать немым, безжалостным обвинителем всех моих прошлых ошибок…

Мы стояли около калитки к выходу на олимпийский лёд.

Пара из Германии только что закончила своё выступление. Виктория Шнайдер — невысокая, стройная, светлая блондинка с голубыми глазами, в платье с длинными рукава-

ми, выполненном из синего материала с градиентным переходом к белому цвету на рукавах. И Лукас Кантор, высокий, широкоплечий, в приталенной рубашке темно-синего цвета, с длинными рукавами и круглым вырезом. Чёрные брюки плотно облегали ноги.

Лицо вытянутое, с чётко очерченными скулами.

Глаза крупные, выразительные, светло-голубые. Взгляд прямой, уверенный. Брови густые, естественной формы.

Прямой, с аккуратным кончиком, нос. Губы полные, выразительные, с чётким контуром. Волосы средней длины, по плечи, светло-медового цвета. Аккуратная, короткая борода и усы.

Они крепко обнялись, хлопая друг друга по спине. Парень наклонился и поцеловал партнёршу в макушку.

Арена гудела в овациях.

— Gut gemacht, gut gemacht! (молодцы, молодцы)

— Bravo! (пробел) (Браво)

Следующие — мы.

Я сглотнул и повернулся к Веронике, с силой сжав кулаки.

Какая же ты всё-таки...

Хрупкая, невысокая фигура в белом платье, длинные, светло-русые волосы, собранные в строгую шишку, подчёркивали безупречную линию шеи. Серые, выразительные глаза с длинными изогнутыми ресницами, которые всегда смотрят пронзительно и требовательно. Алые, идеально очерченные губы. Прямой нос.

Идеальная, пугающая, безупречная...

Тут мне на спину приземлилась рука тренера, стоявшего между нами.

— Ну что, спортсмены! — улыбнулся Виталий Владимирович, подмигнув. — Сегодня не просто старт, сегодня...

Ника, ты же портрет неприступной красоты...

Виталий Владимирович продолжал трещать:

— Праздник нашего труда, праздник красоты, праздник музыки. — Он выставил ладони вперед. Ника положила свою ладонь в его, и он ее крепко сжал, всё так же улыбаясь:

— Выходите и получайте удовольствие от каждого мгновения на льду.

Потом он повернулся ко мне:

— Пусть судьи ставят оценки, а вы — дарите зрителю вашу сказку. Улыбайтесь, наслаждайтесь процессом. И всё получится.

Вероника кивнула, едва улыбнувшись.

Я чувствую, ты тоже переживаешь глубоко, да? Но знаешь, мы справимся, я верю.

Немцы вышли со льда, их встретил тренер, по очереди обнимая.

Невысокая женщина с белыми волосами до плеч, карими глазами, в белом свитере с горлом.

— Gute Leistung, gut gemacht, Jungs (Хорошая работа, молодцы, ребята).

Накинув олимпийки и надев чехлы на лезвия, они пома-

хали в камеру. Оператор стоял рядом, снимая их.

Дальше они двинулись в зону ожидания оценок.

Я снова посмотрел на Нику.

Но... Как же я не замечал, Ника… Как раньше не замечал, что между нами что-то не так?

Как же ты, Степан, это допустил?

Так, всё. Степан, прекрати. Прекрати. Сейчас лёд. Прокат. Олимпиада. Ни к этому ли ты шёл всю жизнь?

На большом экране показали нарезку их повторного проката.

Виталий Владимирович, держа в руках наши олимпийки, отошел вперёд, внимательно вглядеваясь в их ошибки.

Я громко выдохнул, не сводя взгляда с профиля Вероники.

Обязательно поговорим после. Когда всё встанет на свои места.

Немцы стали вторыми в итоговой таблице. Снова радостно помахали в камеру, и она переключилась на нас.

Ника, что, если у нас... Что, если у нас больше не будет возможности поговорить? Что, если мы больше не увидимся?

Я тряхнул головой, нахмурившись.

Брр. Степан, что ты несёшь. Бред какой-то. Но... Нет, надо сейчас. Именно сейчас. Сейчас или никогда. Нужно рискнуть и сказать тебе всё, или я потеряю тебя навсегда. Раз. Два. Три.

— Ника… — прошептал я едва слышно. — Я должен сказать…

Она быстро повернулась ко мне, встретившись взглядом светло-серых почти кристально чистых глаз. И я перестал дышать на секунду, взял ее за ладонь, едва касаясь. И сжал зубы, сглотнул, выдохнул и прошептал:

— Это правда, что?..

Договорить я не успел. Она подняла руку и положила ладонь мне на плечо, крепко сжав, второй коснулась моих губ пальцем. И закрыла глаза , замотала головой , отмахиваясь :

— Тсс. Сосредоточься. — Потом посмотрела на меня — Все скажешь потом.

— А если не будет никакого "потом"? — сорвалось у меня, а сердце бешено заколотилось.

Она посмотрела на меня внимательно, слегка нахмурившись, после чего расслабленно. А после убрала руку с моего плеча и повернула голову в сторону льда.

— Сейчас наш выход — раздраженно бросила она и схватила меня за руку. После чего крепко сжала, переплетая наши пальцы, и развернулась.

Я замолчал и повернулся к выходу. Как по всей арене из динамиков прозвучало наше приглашение:

— Stepan Rostovsky and Veronika Romanova, Russia, are invited to the ice.

Сердце заколотилось быстрее. Через секунду посыпались оглушительные овации с трибун, где несчётное количество

болельщиков размахивали российскими флагами и флагами с нашими общими фотографиями и подписями:

"Вперёд! Вы лучшие!"

"Ника+ Стёпа равно сердце"

"Не сдавайтесь."

"Вперёд и до конца!"

Ступив на гладкий лёд, мы двинулись к середине катка и притормозили там, где были нарисованы олимпийские кольца. Овации заглушались постепенно, переходя в тишину. Через минуту на арене воцарилась полная тишина. Оглушительная тишина. Вдох... Выдох. Скрежет коньков под нашими ногами.

Вперёд.

... Тогда я понятия не имел, что мои слова станут роковыми. Лёд вместо пьедестала принесёт лишь горечь разлуки. Этот прокат — не триумф, а точка невозврата. А мои чувства… Все чувства останутся погребены под толстым слоем льда, так и не высказанные.

Ника отъехала немного вперёд и развернулась ко мне лицом. Её руки обвивали мою шею, пальцы зарылись в волосы. Я обхватил её за талию, притянув ближе. Мы встретились взглядами. Неужели это конец нашей истории? Но что именно ждёт нас впереди?

АНГЕЛИНА
ДВА МЕСЯЦА РАНЕЕ

Я стояла около бортика катка.

Лёд рассекала выскочка из юниоров Карина Ангельская — хрупкая, с рыже-русыми волосами, уложенными в идеальную тугую шишку, в бордовом платье.

Я вдохнула морозный воздух. И сделала несколько поворотов туловища в стороны.

Так. Я следующая. Соберись, Ангелина. Соберись.

Я кинула взгляд на лёд. Карина зашла на тройной лутц.

Она начала разгон с нескольких шагов, постепенно увеличивая скорость. Как правило, тройной лутц выполняется с заднего хода, спиной вперёд. Перед отрывом она сделала полуприсед, руки отвела назад, создавая баланс и готовность к вращению. Карина оттолкнулась правым зубцом об лёд.

Ровно в тот момент произошло мощное выталкивание ногой, одновременно с этим руки резко выбросились вперед и вверх. Тело выпрямилось одновременно с толчком. С момента отрыва от льда спортсменка максимально быстро сжалась в компактную позу для увеличения скорости вращения. Ноги скрестила, руки прижала к груди. В воздухе последовало три полных оборота. Перед приземлением она начала постепенно раскрывать тело, чтобы замедлить вращение. Ноги опустились, чтобы подготовиться к касанию льда. Приземление осуществилось на переднюю внешнюю сторону ребра конька. Колено ноги, на которую произошло приземление, согнулось. Тело находилось в полуприседе.

Я выдохнула. М-да. Безупречное вращение. Идеальный, высокий, лёгкий прыжок. Арена взорвалась оглушительными аплодисментами. Затем, почти не сбавляя оборотов, словно перетекая с одного элемента в другой, Карина исполнила тройной риттбергер. Мгновенно перенесла вес на другую ногу, готовясь к принципиально иному толчку. Если лутц брал начало от острого зубца, то риттбергер – от мощного выноса ребра. Скорость, мощно набранная в воздухе, тут же превратилась во вращение, подготавливая тело к третьему обороту. Всего через мгновение она мягко на заднее наружное ребро коснулась льда, а арена вновь взорвалась овациями.

Я поморщилась и взялась за плечи, и сделала несколько оборотов назад. Ну куда же ты так фигачишь такие каскады, малолетка? Я в твои годы…

Потом я наклонилась к полу. Раз, два, три.

Я ничем не хуже. Не хуже.

Чемпионат России. Победа. Вот что мне нужно. Поражений и так достаточно. Ангелина, ты должна доказать себе, на что способна.

Карина Ангельская, выскочка, появившаяся из ниоткуда, закончила выступление и под оглушительные аплодисменты поплелась со льда.

Наш общий тренер Серафима Сергеевна встретила её объятьями.

— Умничка моя!

Невысокая, стройная, в бежевой толстовке, наверх белый жилет.

Тонкие черты лица, светлая кожа, голубые, яркие глаза, короткая пикси с зачесом назад, платиновый блонд.

Карина заулыбалась и надела чехлы на лезвия коньков, потом накинула олимпийку, и они пошли в зону ожидания оценок.

Я сглотнула и потёрла ладони друг о друга, уставилась в большой экран над ареной, где транслировали её повтор проката.

Тройной аксель (3A). — Зараза, всё чисто.

Каскад: Тройной флип (3F) + Тройной тулуп (3T).

Идеально. Четкость, грация, сила.

Тройной лутц (3Lz). — безупречно.

Каскад: Тройной сальхов (3S) + Тройной ойлер (1Eu) + Тройной сальхов (3S). — Совершенно.

Вторая половина.

Каскад: Тройной лутц (3Lz) + Тройной риттбергер (3Lo) — демонстрируя стремление к самым сложным комбинациям. — Высший класс.

Тройной флип (3F) — лучше не бывает.

Тройной сальхов (3S). — блистательно, никто не подкопается.

На экране высветились результаты:

1 . Карина Ангельская — 235.72

2. Маргарита Богословская — 220.50

3. Ксения Левченко — 220.46
4. Мария Соколова — 219.48
5. Анна Ковальчук — 217.51
6. Екатерина Михайлова — 216.49
7. Наталья Новикова — 216.43

Я судорожно вздохнула.

Всё. Теперь я. Соберись, пожалуйста, тряпка.

Тренер вернулась ко мне.

— Да, Карина сегодня в форме. Отличное катание. Ты видела, как она поставила риттбергер после лутца? Это невероятно.

Я кивнула. Ага. Конечно.

Блистательно, никто не подкопается. Ну да, как и всё остальное. Она сегодня выступила безупречно. У неё нет слабых мест. А я что? Может, на мне сейчас сосредоточимся, а не на ней?

— Серафима Сергеевна, не молчите. Скажите что-нибудь мне!

Серафима Сергеевна улыбнулась и положила руку мне на плечо.

— Ты – лидер, Ангелина. Просто сделай то, что умеешь. Забудь о соперниках.

Я кивнула. Легко сказать.

— На лёд приглашается Ангелина Воронова, Москва.

О, заветные слова. Отлично.

Я повернулась к Серафиме Сергеевне, отдала олимпийку

и чехлы для коньков. И сделала шаг в ослепительный свет прожекторов. Арена взорвалась аплодисментами.

Я подъехала в середину катка и выделила точку вдали. Звуки музыки захлестнули меня: Bad Guy – Billie Eilish, и я начала свою произвольную программу.

Глубокий вдох. Воздух обжег лёгкие.

Тройной аксель.

Ты — мой старт. Мой вызов. Тройной аксель. Это не просто прыжок, это заявка на победу. Разбег — быстрый, напористый. Полуприсед, корпус уходит назад, руки — как пружина, готовятся к рывку. Момент отрыва — это взрыв! Отталкивание передним ребром — мощнейшее, чувствую, как лёд поддаётся. И — вверх! Три с половиной оборота в воздухе. Звучит просто, но это мгновения чистой борьбы. Потом — рассечь воздух, раскрыться. Приземление — на переднее наружное ребро, колено — полусогнуто.

Каскад: Тройной лутц + Тройной риттбергер.

После акселя — нужно показать, что это было не случайно. Я захожу на свой любимый каскад. Тройной лутц. Отталкивание острым зубцом, корпус резко вылетает вверх. Три оборота. Приземление на наружное ребро. Не останавливаться, не "залипать" на льду. Мгновенно переношу вес, меняю угол корпуса. Риттбергер — это другое. Скорость от лутца помогает, но это всё равно новый импульс, новое усилие. И снова — три оборота, приземление на другое наружное ребро. Двойной удар.

Тройной флип.

А теперь — флип. Разбег с внутренней стороны, корпус немного развернут. Отталкивание — назад наружным ребром. В воздухе — три оборота, но здесь больше плавности, меньше агрессии, чем в лутце. Скорее — хищная грация. Вращение, затем — раскрытие. Важно чисто выйти, не показав ни малейшего сомнения.

Приземление на переднее наружное ребро.

Каскад: Тройной сальхов + Тройной тулуп.

Время для ещё одного каскада. И тут нужно быть собранной. Сальхов — он начинается с подсечки, с небольшого "шага" назад. Отталкивание задним наружным ребром. Два с половиной оборота. И сразу же, не думая, не замедляясь, я перехожу в тулуп. Это самое простое, что есть из тройных — отталкивание зубцом. Откатываюсь назад, на зубце делаю толчок, и снова — вращение. Здесь уже легче, потому что тело помнит, что надо делать. Два с половиной оборота. Приземление на переднее наружное ребро.

Вторая половина. Увеличиваем стоимость.

Каскад: Тройной лутц + Тройной тулуп + Тройной ойлер + Тройной сальхов.

Вот он. То, что заставляет вас всех затаить дыхание. Тройной лутц — первый удар. Отталкивание зубцом, три оборота. Приземление. И тут же — тулуп! Шаг назад, снова зубец. Два с половиной оборота. Но я не останавливаюсь. Через секунду — ойлер! Он не считается полноценным прыжком, это

скорее переход, связка. Ровно один оборот, как будто пролетаешь над льдом. И сразу же — я иду на сальхов! Снова заднее наружное ребро. Два с половиной оборота. Мощность, скорость, точность. Финальное приземление. Глубокий вдох — это было сильно.

Тройной флип. Снова флип. Но теперь — иначе. Надо вложить в него всю свою ярость, всю свою страсть. Тот же разбег, то же отталкивание наружным ребром. Но в воздухе — больше энергии, больше риска. Три оборота, но они кажутся бесконечными, наполненными силой. Приземление... О, нет, нет, нет, касание рукой!

Так, нужно собраться! Я сжала зубы. Сдаваться нельзя.

Тройной риттбергер.

И снова риттбергер. Не просто прыжок, а заявление. Три, два, один. Отталкивание — мощное, чистое ребро. Три оборота. И приземление — на наружное ребро.

Заход в тройной сальхов через сложный элемент, ведущий во вращение.

Не просто прыжок. Я делаю несколько шагов, словно вычерчивая что-то на льду, потом резкий поворот. Это подготовка. И вот он, момент — отталкиваюсь задним ребром. Два с половиной оборота. Выход — контролируемый, резкий.

Вращение "биллман" с вариациями. Глубокое, мощное вращение. Тело выгибается назад, нога за голову, руки держат её. Я дохожу до предела. Это демонстрация не только

гибкости, но и стальной воли.

Спиральное вращение. Начинается с низкой, плавной спирали — Шарлотта. Так, наклон вперёд, тело опускается к опорной ноге, а свободная нога поднимается вверх в вертикальном шпагате. Затем — резкий переход. Одна нога остается на льду, вторая вытягивается вверх. И я начинаю вращаться, держась за конец конька. Медленно, потом всё быстрее и быстрее. Это танец силы и грации.

Затем — Либела вверх. Обе ноги должны быть прямыми. Свободную ногу нужно поднять до уровня бедра или выше.

Корпус держать параллельно льду. Выворачиваем плечи сильнее, чем в вертикальном положении, и смотрим вверх.

Скольжение — бесконечное. Затем — другая. Встаю. Вертикальная спираль. "Ласточка". Нога уходит далеко назад, корпус наклонён вперед. Это — сила. Это — линия. Это — атака.

Шаги. Скольжение на одной ноге по дуге, с переходом на другое ребро и с поворотом. — я их не просто делаю, я их чувствую. Каждый поворот, каждое движение — это резкий, рубленый удар. Музыка рвёт меня изнутри, и я отвечаю ей тем же. Это не просто шаги — это моя история, рассказанная на льду.

Силовые элементы. Вот мощный выпад — почти ложусь на лёд. Вот "полу-петля" — короткий, но взрывной элемент. "Махи" — мои ноги взлетают, будто я хочу взлететь. Всё это — не для галочки. Это — моя агрессия, моя мощь, моя воля.

Эмоциональный накал. Я начинаю с чего-то сдержанного, загадочного. В глазах — тайна. Движения — чуть отстранённые. Но внутри — огонь. И вот музыка подхватывает меня. Я взрываюсь. Страсть, агрессия, темперамент. Я не играю.

Моя сила — не в грубой мощи, а в идеальном контроле. Резкие движения — точные, как скальпель. Плавные переходы — хищные, неотвратимые. Я — хищница на льду.

Музыка — мой проводник. Я чувствую её течение: то нарастающий шквал, то пронзительная тишина. И я выплескиваю её. Взрываю вместе с ней, замираю, когда она требует тишины. Я — её зеркало.

Я — роковая женщина. Мой костюм тёмный, как ночь. С блеском, как у вулканического камня. Я не просто выступаю — я заявляю миру: «Я — сила. Я — страсть. И я здесь, чтобы победить.»

Финальная поза. Привычные аплодисменты.

Зрители встали со своих мест, шум нарастал.

— Браво!

— Ууу!

Я улыбнулась, переводя дыхание.

Так, вдох, выдох. Дышим, дышим. В горле пересохло. Сердце колотилось там же. Ноги почти не чувствовались и дрожали.

С трибун посыпались игрушки. Я поставила руки в боки и поехала к бортику, помахав одной рукой на трибуны.

Серафима Сергеевна протянула мне чехлы для лезвий, я

взяла их дрожащими руками и, наклонившись, быстрым движением надела их. Тренер протянула мне олимпийку.

— Ну что, Серафима Сергеевна? Что скажете?

Она посмотрела на меня и обняла за плечи.

— Неплохо. Очень даже хорошо.

Мы прошли в зону ожидания оценок.

Объявление результатов тянулось вечно.

— Вот здесь, — тренер показала на второй тройной флип. — Ты отдала всю ярость, но потеряла контроль в приземлении. Рука… это нельзя так оставлять.

— Я знаю, — глухо сказала я. — Заметила сразу. Почувствовала. Но не могла остановиться. У меня ещё был риттбергер, сальхов.

— И ты шла на них, — кивнула она. — Вот это — характер. Но характер без чистоты — ничего не стоит. Запомни этот момент, Ангелина. Это — твоя недоработка. В следующий раз мы будем отрабатывать этот выход до автоматизма. Пока твои соперницы будут искать свою силу, ты будешь шлифовать её до идеала.

Наконец-то на табло высветились цифры.

1. Карина Ангельская — 235,72
2. Ангелина Воронова — 234,18
3. Маргарита Богословская — 220,50
4. Ксения Левченко — 220,46
5. Мария Соколова — 219,48
6. Анна Ковальчук — 217,51

Лучше бы я этого не видела. Остальные далеко позади.

Я сжала кулаки, переводя дыхание. Ничтожные 1,54 балла. Всего лишь полтора балла, а я чувствую себя так, будто проиграла всё. Слабачка. В свои 23 я не привыкла к такому. Этот сезон и так — сплошная борьба: то травмы, то болезни, вечная стычка с этой выскочкой малолетней. А теперь ещё и эта неудача. Спасибо.

Я втянула воздух, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Идеал. Вот к чему я должна стремиться. А не к жалким 1,54 баллам от победы.

На церемонии награждения я держалась максимально отстранённо. Серебряная медаль — просто ужас. Чужая и неприятная.

Я улыбнулась и пожала Карине руку.

— Мои поздравления! Ты была шикарна.

Она улыбнулась в ответ.

— Спасибо.

Я встала на второе место, чуть ниже, рядом с ней.

Пожалуйста. Чтоб ты провалилась. Зараза малолетняя. Иди к своим, соревнуйся с ними, а не лезь сюда. Никакого опыта толком не имеешь. А я, между прочим , на международном уровне лидером была. Да что там лидером — я олимпийская чемпионка, четырёхкратная чемпионка мира, Европы, России. А ты кто? Вот кто ты? Ты пыль под ногами.

Затем настало время для интервью. Журналисты сразу же обступили меня. Ага, как же. Без этого никуда. В другой мо-

мент я бы с вами поговорила, но сейчас? Что вы хотите услышать? Не видно, что ли, было на льду?

Но это их, конечно же, не останавливает. Это ж журналисты — хоть слово ляпнешь, настрочат миллион статей.

— Ангелина, что вы чувствуете после сегодняшнего выступления? — прозвучал вопрос от молодой, стройной девушки-брюнетки в черном пиджаке.

Что я чувствую? Нет, вы посмотрите, вы еще и издеваетесь. Так что же я чувствую? Чувствую, что готова в стенку биться башкой. Я вздохнула. Надо успокоиться, не показывать эмоции, я же не истеричка в конце концов.

— Я сделала всё, что могла, — сухо ответила я, взглянув на неё.

— Как вы оцениваете выступление Карины Ангельской?

Оценивать должны судьи, моя дорогая, а не я! А всё, что я должна, так это быть первой, а не давать оценивание вашей малолетке.

— Она откаталась хорошо, — отрезала я, собираясь уйти отсюда, иначе взорвусь, но она продолжала:

— Как вы думаете, ошибка повлияла на результат?

Так, Ангелина, вдох, выдох, вдох, выдох. Они еще и давят и напоминают мне об этой глупой ошибке. Знала бы ты, как она повлияла, хотя куда тебе... Никогда не поймешь.

— Безусловно, — коротко ответила я и резко развернулась, покинула зону интервью.

Я, Ангелина Воронова, привыкшая к золоту, сегодня ухожу с серебром. Ладно, серебро и серебро, но… Но проигрывать малолетке — это не из приятных. Ну, ничего, ничего. Я еще вернусь. И докажу вам всем, особенно тебе, малолетка, что это лишь случайность, глупое недоразумение!

***

Я шла по коридору, направляясь в раздевалку. Быстрым движением застегнула олимпийку. Как же хочется отгородиться от всех этих взглядов и тупых вопросов.

Нет, ну честно, достали!

Сейчас ещё будете крутить мои прокаты до последнего. Изучать, разбирать, обсуждать вдоль и поперёк! Статей настрочите выше крыши по типу:

"До чего же досадно!"

"Не ожидал такого промаха."

"Мы так надеялись на тебя, что случилось?"

"Уже не та прыть…"

"Эх, былое величие померкло."

"Вот тебе и результат, а ведь подавал такие надежды."

"Как жаль, что всё так обернулось."

"Похоже, лучшие времена позади."

"Верили в лучшее, а вышло как всегда."

"Раньше было лучше, это точно."

А, да! Ещё и комментарии болельщиков и диванных экс-

пертов— мы это уже наизусть знаем:

"Ну как же так вышло-то?!"

"Какое же разочарование…"

"Ах, бедняжечка…"

"Не стоит отчаиваться, всё ещё может наладиться."

"Просто выдохлась, бывает."

"По-хорошему, пора дать ей отдохнуть, видно, что силы на исходе."

"Увы, годы берут своё, это неизбежно."

"Видно, что ей тяжело, нужно дать ей возможность восстановиться."

"Нужно быть реалистами – её время, похоже, прошло."

"Будем честны, она уже не тянет."

Я поморщилась и распахнула дверь раздевалки.

Но тут в меня врезалась Карина, которая как раз выходила.

— Ой, извините, — пробормотала она и двинулась дальше.

Я тряхнула головой и передразнила.

— Ызвынитэ .

Внутри меня ждала Маргарита, переодевающаяся после своего выступления. Невысокая, худая, с чёрными волосами до пояса.

Каждый локон — густой, блестящий. Тонкий прямой нос, пухлые, чувственные губы, серые глаза.

Заметив меня, обернулась, натягивая чёрную толстовку.

— Ты это видела?

Да, Господи боже, ты ещё начни, ага.

— Да, вижу это уже с сентября месяца. — скривилась я, сев на скамейку и стягивая коньки.

Маргарита усмехнулась:

— Это же абсурд! Такая малышка, а уже вылезла тут ко взрослым! И ещё на Олимпиаду хочет поехать? Как такое возможно?

Олимпиада… Олимпиада... Хочет она... только в своих мечтах, хотя... Блин, достали!

Я пожала плечами.

— Понятия не имею.

Наступила тишина. Я подошла к шкафчику, вытащила темно-синюю спортивную сумку, достала оттуда серый свитер и светло-голубые джинсы. Быстрым движением стянула олимпийку и чёрный костюм, переодела на свитер и джинсы. Потом коньки и костюм засунула в сумку, резким движением застегнула молнию. Натянула чёрный пуховик, переобулась, распустила тёмно-русые волосы, расчесала и собрала их в хвост. Кайф после тугого пучка. Потом я одела белую шапку, повязала клетчатый шарф. Схватила сумку, перекинула через плечо и направилась к выходу. За мной последовала Маргарита.

Мы молча вышли из дворца спорта. На улице уже было темно. Шёл сильный снегопад. Дорога была мокрая от тающего снега, на ней видны отражения фонарей и огней зда-

ний. Ну да, Питер всё же. Как иначе.

Мимо проносились автомобили.

Фонари и свет от зданий создавали тёплую цветовую гамму, контрастирующую с тёмным небом и белыми хлопьями снега.

— Ты как, пешком? — обратилась ко мне Маргарита.

Я остановилась, пожав плечами. Без понятия.

— Я просто такси вызвала, если хочешь, поехали со мной? — предложила Маргарита.

— Хорошо, — согласилась я.

Хочется просто уже домой, лечь и отдохнуть. Но этого, конечно же, не будет…

Через пару минут подъехал жёлтый автомобиль Ford Focus, выполняющий роль такси Яндекс. Такси.

С Маргаритой мы также молча загрузились в машину, она назвала адрес, и машина тронулась с места.

Я отвернулась к окну и смотрела на зимний вечерний Питер. Снег валил хлопьями, как в кино. Машины ехали медленно, как будто боялись поскользнуться. Фонари светили сквозь снег тускло, и всё вокруг казалось каким-то волшебным и немного грустным. Дома стояли, укрытые белым одеялом, и казалось, что они заснули до весны. В общем, красота, да и только, если не думать ни о чём.

Мы подъехали к отелю. Это была огромная серая многоэтажка, на верхушке которой красовалась светящаяся надпись "Азимут".

Сити Отель Санкт-Петербург — отель-высотка в исторической части Санкт-Петербурга.

Сразу видно, что место солидное. Перед отелем на ветру развивались флаги приветствуя гостей. Снег вокруг был почищен, но всё равно скользко — чувствуется, что здесь рады чистоте, но зима своё берёт.

Расплатившись, мы вышли из машины и пошли в сторону выхода.

Я зашла внутрь и сразу направилась к стойке регистрации. Она была огромная, сделанная из какого-то красивого камня — мрамор, наверное, или оникс — с подсветкой, отчего казалась ещё более внушительной. За ней стояли парень и девушка в строгих костюмах. Парень увлеченно говорил по телефону, а девушка приветливо улыбнулась.

Всё здесь дышало спокойствием и уверенностью, как будто любые проблемы оставались за дверью. Нам отдали ключи, и мы направились к лифту.

Попрощавшись, мы с Маргаритой разошлись по комнатам.

Приложив ключ-карту, я зашла в номер. Огромная кровать, устеленная белоснежным бельём, так и манила прилечь. У стены — удобный диванчик с подушками, рядом столик с какой-то мелочью. Но самое главное — огромное окно во всю стену. За ним раскинулся ночной город, весь в огнях. Даже не важно, что за городом — просто красиво. Хотелось подойти к окну и смотреть, смотреть, смотреть… А может,

сначала просто рухнуть на эту мягкую кровать?

Я скинула сумку на пол. И не успела толком стянуть с себя куртку с шапкой, как в кармане куртки завибрировал телефон. Быстрым движением я разделась, вытащила телефон и прошла к окну. Я взглянула на экран и, вздохнув, закатила глаза, тихо простонала.

На экране: «Мама».

Я снова тяжело вздохнула. Господи, только не это! Когда же вы меня все уже в покое оставите?! Но ответить надо, а то будет хуже.

— Да, мам? — быстро ответила я, взглянув в окно.

— Ангелина, я смотрела. Что это было?

Голос матери звучал резко.

Ни капли сочувствия, только разочарование. Как обычно, ничего нового. А то, что дочь устала и сейчас рухнет без сил, тебя это не колышет.

— Я старалась, мам. — выдохнула я закрыла глаза и села на кровать.

— Старалась? — взвизгнула мать. — Серебро — это не победа, Ангелина. Ты должна быть первой!

— Я допустила ошибку, — устало ответила я. — Так бывает.

— Ошибка? Я видела, на кого ты отвлекалась!

Ах да! Конечно. Видела ты!

В интернете раздули из мухи слона. Приклеили мне роман с коллегой по сборной, когда я просто его поддержала в

короткой программе мужчин на этом чемпионате России.

Артур Стальский, звезда одиночного катания и просто мой давний знакомый. И совершенно не в моём вкусе! Какой ещё роман?

Тем более ты же мне не даёшь и шагу ступить. Я ни разу за свои годы не встречалась даже ни с какими парнями. Он единственный, с кем более-менее были дружеские отношения. И то сейчас весь интернет в том, что якобы у меня роман! Достали!

— В интернете одни ваши объятия! — продолжала мать. — Ты же у меня спортсменка, а не какая-то влюблённая дурочка. Тебе сейчас не до парней, Ангелина. Карьера превыше всего. Этот Артур… он тебя отвлекает! Я же говорила!

Я снова вздохнула.

— Мам, Артур поддерживает меня. Он…

— Поддерживает? Он тянет тебя вниз! С твоим талантом ты должна быть на вершине, а не тратить время на глупости. Всё понятно, он виноват в твоём поражении!

Да сколько можно?!

— Мама, пожалуйста, хватит, — нервно ответила я. — Я устала это слушать!

Но мать не унималась:

— Ты должна слушать! Я желаю тебе только добра! Если бы не я...

Да если бы не ты, я бы сейчас жила счастливо!

Я не выдержала. Нажала кнопку отбоя, прежде чем мать успела закончить свою тираду. В номере воцарилась тишина.

Как же я устала от постоянного контроля, от твоих вечных упрёков. От тебя, которая видишь во мне не дочь, а инвестицию.

Единственным человеком, который меня по-настоящему понимал, была Настя. Она была в парном катании, поэтому никакой конкуренции у нас не было никогда.

Я быстро набрала её номер. Мне хоть кому-нибудь надо выговориться. На другом конце провода послышался её тёплый голос:

— Ангелина? Что-то случилось?

— Можно к тебе? — прошептала я.

— Конечно! Спрашиваешь?

Я быстро встала с постели, подошла к выходу, обулась и вышла из номера.

Настя жила на одном этаже со мной, только в конце коридора. Подойдя к белой двери с номером 23 , я постучала. Тишина. Я постучала снова, немного настойчивее. Дверь отворилась, и в проеме показалась Настя — невысокая, строй-

ная, золотистые волосы до лопаток, голубые глаза, светлые аккуратные брови.

Одетая в серую футболку оверсайз и белые лёгкие спортивные штаны. За её спиной виднелась комната, залитая мягким светом. В комнате стояла большая кровать, накрытая белым одеялом, а рядом виднелись уютный диванчик и рабочий стол. На стене — большой телевизор.

— Не могу больше, Насть, — выдохнула я раздражённо, заходя в комнату.

— Опять мать? — с сочувствием поинтересовалась Настя, закрывая за мной дверь.

— Ага, — буркнула я и легла спиной на кровать и уставилась в светлый потолок. Настя вдохнула и присела на край кровати. А я продолжала:

— Она… она считает, что какой-то Артур виноват в моём поражении. Что я отвлекаюсь на него. Говорит, что карьера важнее всего… Сколько можно?

Настя легла рядом.

— Тяжело, подруга… Но тебе ещё бы не видеть, что про вас в интернете пишут, — она повернулась ко мне лицом.

— Что именно? Я не смотрела, — поморщилась я, сложив руки на груди.

Настя быстрым движением вскочила с кровати и направи-

лась к столу. Взяла белый ноутбук, открыла его и снова села около меня, повернула его ко мне экраном.

— Смотри.

Мне пришлось приподняться на локтях.

На одном из сайтов Sports.ru была напечатана статья:

Олимпийская чемпионка на краю пропасти: Роман, провал и угроза карьере

Мир фигурного катания замер в изумлении: 23-летняя Ангелина Воронова — олимпийская чемпионка, четырёхкратная чемпионка мира, Европы и России, столкнулась с настоящей катастрофой, которая рискует перечеркнуть всё её достижения. Провал на Чемпионате России, уступив место юной дебютантке, и внезапно вспыхнувший роман с коллегой по команде вызвали волну возмущения, разочарования и сочувствия в фанатских кругах. Неужели мы наблюдаем закат легенды?

"Как такое вообще возможно?! Она же олимпийская чемпионка! Четырёхкратная чемпионка всего! Это просто какое-то недоразумение!" — возмущаются верные болельщики Ангелины Вороновой, не верящие в возможность такого провала. Действительно, когда речь идёт о спортсменке, чьё имя золотыми буквами вписано в историю фигурного катания, поражение на Чемпионате России выглядит особенно болезненно.

"Это уже не первый год, когда видно, что форма пошла на спад. Но чтобы настолько… Я до последнего верил, что

она сможет собраться и показать класс»," — пишут разочарованные фанаты. Многие сходятся во мнении, что давление ответственности и ожидания от второй Олимпиады стали непосильным бременем для чемпионки.

Появление фотографий с 23-летним Артуром Стальским, также фигуристом из её команды, лишь подлило масла в огонь. "Теперь понятно, почему она растеряла форму! Любовь — это хорошо, но не когда на кону олимпийское золото!" — кричат комментаторы, обвиняя спортсменку в непрофессионализме и ставя под сомнение её преданность спорту.

"Человек имеет право на личную жизнь! Вы что, хотите, чтобы она роботом была? Да, провалилась, но это не значит, что нужно её теперь поливать грязью!" — яростно защищают её другие. Многие напоминают о колоссальном давлении, которое испытывают спортсмены такого уровня, и призывают к сочувствию и поддержке.

Однако даже самые преданные фанаты признают, что ситуация складывается крайне неблагоприятно. "Две Олимпиады выигрывают единицы. Может, пора дать дорогу молодым?" — звучат грустные комментарии.

Что будет дальше? Сможет ли Ангелина Воронова преодолеть этот кризис, вернуть утраченную форму и доказать, что она по-прежнему способна бороться за золото? Сумеет ли расставить приоритеты и избежать влияния романа на тренировочный процесс? Или поражение на Чемпионате России станет началом конца её блистательной карьеры? От-

веты на эти вопросы мы получим уже в ближайшее время. Олимпиада не за горами, и для олимпийской чемпионки настало время принять самый важный вызов в своей жизни. На кону не только вторая олимпийская медаль, но и репутация легенды фигурного катания.

Я снова вздохнула и захлопнула крышку ноутбука.

— Достали! — прорычала я в потолок.

Настя убрала ноутбук и снова легла ко мне.

— Да выиграешь ты эту олимпиаду! Никакая мелочь тебя не обойдёт. Уж поверь. Точно выиграешь, и тогда мать отстанет уже от тебя. Докажешь ей, что ты не сдаёшься. И, может, наконец-то даст тебе свободу?

Я молчала. Свободу? Сомневаюсь. Она не отстанет от меня никогда. Скажет, что поедешь ещё и за третьей медалью. А насчёт того, чтобы доказать… Я устала постоянно кому-то что-то доказывать!

Настя снова повернулась ко мне.

— Да не переживай ты так. Вот у нас, представляешь, с Яковом тоже не лучшие времена. Эти Романова и Ростовский у нас уже поперёк глотки стоят! Вот честно! Я вообще не представляю, хоть убейся, их не обойти! Что вот сделать надо? Вот что? — начала возмущаться Настя.

Я снова промолчала. Романова... Терпеть не могу тебя.

Везде лезешь, самая умная нашлась.

— Понимаешь меня, Ангелин? — жалобно спросила Настя.

— Уж поверь, как никто другой!

Ладно, Насть. Прорвёмся. — я сжала ободряюще её руку.

Романова… Одно это имя — как удар под дых. Ты появилась из ниоткуда и перевернула всё с ног на голову. Каждый день рядом с тобой — сплошное мучение, а тебе, похоже, только это и нравится.

Самое ужасное, что тебя ничем не возьмёшь. Сколько ни старайся, ты ж всегда выкрутишься и пойдёшь дальше, будто нас и не было. Но зачем тебе это? Что движет этой женщиной? Власть? Месть? Или что-то ещё более мрачное? И главное — как остановить тебя, пока ты не сломала нас окончательно? Есть ли у нас хоть какой-то шанс?

ГЛАВА 2
СТЕПАН.

— На лёд приглашаются Степан Ростовский и Вероника Романова, Москва — прозвучало из динамиков по всей арене льда.

Яркий свет софитов ударил по глазам. Зал ответил гулом, обычным для Чемпионата России. Я сжал прохладную ла-

донь Вероники.

Скинув олимпийки и отдав их тренеру, мы вышли на лёд. По жеребьёвке мы шестые по счёту.

Я взглянул на зрителей.

Кто-то за нас болел, кто-то желал споткнуться. Кому-то мы были примером, а кому-то раздражающим фактором.

Ну и не важно. Сейчас важно лишь то, что произойдёт сейчас, здесь, через несколько мгновений. Мы были лидерами, и это знали все.

В короткой программе мы, как обычно, лидировали, и даже наши главные соперники Настя и Яков не смогли нас обойти. Хотя куда им... Так, всё не важно.

Конечно, что мы лидеры — это на нас давило, но мы не показывали виду. Привыкли.

Мы выиграем этот чемпионат и никак иначе. Иначе быть не может. Иначе это будем не мы.

Ну всё, сейчас надо сделать свою работу. Идеально, безупречно.

Мы подъехали к середине катка и встали в начальную позицию. Я глубоко вдохнул и посмотрел в серые глаза Вероники.

Началась музыка.

Знакомые скрипичные ноты.

Мы синхронно оттолкнулись.

Первая — подкрутка. Я крепко взял Веронику за талию.

Так, ну с ритма я точно не собьюсь, главное — дать тебе

толчок нужной силы, и поймаю легко.

Выброс. Вероника крутанулась, совершив три оборота в воздухе, и приземлилась мягко ко мне в руки. Приземление было чистое! Отлично. Первая победа.

Далее — параллельный прыжок. Тройной тулуп — знакомый элемент. Мы оттолкнулись одновременно, чувствуя друг друга. Мой приземлился идеально, и я знал, что у Вероники всё тоже получилось безупречно.

Каскад. Никаких ошибок! Первый тройной тулуп — уверенно, второй — тоже.

Тодес. Красивый элемент. Вероника скользила вокруг меня, почти касаясь льда. Зал затаил дыхание. Выполнили чисто.

Музыка становилась напряжённой. Так, теперь время выбросов. Первый — тройной риттбергер. Я разогнал Веронику, зная, как она доверяет мне. Приземление! Вау, отлично. Второй выброс — тройной сальхов. Самый рискованный элемент. Вероника вылетела идеально, вращалась легко и грациозно. Приземление оказалось идеальным.

Поддержка лассо. Самый зрелищный элемент. Итак, рука в руке. Поднимаем над головой. Фух, отлично. Вероника была легкой, и я абсолютно уверенно стоял на коньках и держал её. Главное — удержать равновесие, показать силу и уверенность.

Хореографическая дорожка. Здесь мы рассказывали историю. Наши движения — это слова, музыка — это язык.

Мы плыли по льду, выражая чувства и эмоции.

Параллельное и парное вращение. Парная либела. Заключительные элементы. Мы кружились, словно один, сливаясь в едином танце. Зал наблюдал за нами, затаив дыхание.

Музыка стихла. Мы замерли в финальной позе.

Я посмотрел на Веронику, она улыбнулась и подъехала ко мне, наклонившись по пути и захватив какого**-то плюшевого зайца со льда. Мы быстро обнялись.

— Мы сделали всё идеально, Стёпка, — похлопала она меня по спине.

Я лишь кивнул, крепче прижав её к себе, восстанавливая дыхание.

Арена взорвалась шквалом аплодисментов. Шум нарастал.

Взявшись за руки, мы поклонились публике.

Я улыбнулся, всё так же тяжело дыша. В ногах ощущалась лёгкая дрожь.

Мы честно вас благодарим, всем спасибо за такую горячую поддержку!

Под оглушительные овации мы поехали к бортику.

Там нас уже ждал тренер — Виталий Владимирович.

Высокий, средних лет, русые волосы с уложенной вперед челкой, переходящие в лёгкую взъерошенность. Его кожа светлая с небольшими морщинами на лбу, пронзительные

голубые глаза, прямой длинный нос, аккуратная бородка с усами, что добавляло мужественности.

Одет в тёмную футболку, поверх которой накинуто пальто горчичного цвета.

— Молодцы, ребят! — проговорил он, крепко обнимая нас по очереди. — Выложились на всё сто! Теперь отдохните.

Он протянул нам тёплые олимпийки. Я накинул её на плечи, и стало теплее.

Взявшись за руки с Вероникой, мы пошли в кисс-энд-край — зону ожидания оценок.

Вся арена сфокусировала внимание на нас. Мы приземлились на диван и помахали с улыбкой в камеру.

Ну что ж. Ждём.

За нами наблюдало множество зрителей.

Я провел вспотевшими руками по тёмным волосам и повернулся к Нике.

Она сидела рядом, чуть откинувшись на спинку кресла, руки сцеплены в замок на коленях. Взгляд её был прикован ко льду.

Она почувствовала мой взгляд и повернулась ко мне. Я не мог сдержать улыбку, Ника ответила мне тем же. Боже, какая же ты у меня красивая...

Потом мы уставились на огромный экран над ареной, где

показывали повторы наших ключевых моментов. Подкрутка — идеальная синхронность. Параллельный тулуп — безупречное приземление. Тодес — невероятная близость. Поддержки — грация и сила.

Нет, ну неужели это мы? Даже не верится! Как-то слишком идеально, чтобы быть правдой.

Но это мы.

Я снова повернулся к Веронике и шепнул:

— И так понятно.

Ника снова улыбнулась и взяла меня за руку, переплетая наши пальцы.

Пока мы ждали окончательных результатов, на льду выступили остальные участники. Напряжение нарастало. Наконец, объявили итоги.

1. Степан Ростовский и Вероника Романова — 230,40

2. Яков Белозерский и Анастасия Ярославская — 216,30

3. Евгений Запольский / Каролина Александрова — 214,13

Остальные значительно отстали.

Гул пронесся по арене.

Мы — чемпионы! Боже, даже не верится! Неужели это

реальность?!

Я повернулся к Нике и заключил её в крепкие объятия. Она ответила мне тем же. Я чмокнул её в щеку и ещё сильнее прижал к себе.

После награждения к нам подошел репортер. Полноватый светловолосый мужчина в очках и деловом синем костюме.

— Степан и Вероника, поздравляем с победой! Что вы чувствуете?

Я ответил:

— Мы выполнили свою задачу. Спасибо всем, кто был с нами.

Вероника добавила:

— Мы показали лучшее, на что способны. Эта победа — для всей команды.

— Какие планы на будущее? — спросил репортер.

— Продолжим тренироваться, — ответил я.

Закончив интервью, я и Вероника покинули ледовую арену. Мы — чемпионы, но впереди нас ждёт много работы.

ГЛАВА 3
ВЕРОНИКА.

Даже не верится… Третья победа! Третья! Как это возможно вообще? Нереальное что-то! Никогда бы не подума-

ла, что мы сможем достичь такого уровня!

Я застегнула олимпийку, направляясь к раздевалке. Глупая неконтролируемая улыбка не сходила с моего лица.

Блин, Вероника, успокойся! Да успокойся же. Убери свою улыбку идиотскую, выглядишь как дурочка.

Так, всё. Надо сохранить на лице привычное выражение строгости и хладнокровие, никаких лишних эмоций, особенно улыбочек. Поулыбалась и хватит.

Да, Господи, Вероника, угомонись!

Сейчас в психушку упекут.

Но тут, как назло, я вспомнила Степку. Точнее**,** как обычно он улыбается после побед**,** и мне стало ещ**ё** смешнее. Хотелось ржать как конь, да е-мае**,** почему так невовремя?!

Так, а где этот клоун вообще?

Я огляделась. Степка, этот полоумный, умчался куда-то. Ладно, плевать.

Я вздохнула, переводя дыхание. Как, сзади послышался радостный голос Виталия Владимировича:

— Ника!

Я обернулась и снова расплылась в улыбке.

Виталий Владимирович крепко обнял меня.

— Поздравляю, моя зв**ё**здочка!

— Спасибо, Виталий Владимирович, — ответила я, отстраняясь.

Тренер огляделся по сторонам.

— А где Степка?

Я пожала плечами. Мне откуда знать, где он? Меня он не посвящает.

— Убежал, наверное. Как обычно, — ответила я.

Виталий Владимирович похлопал меня по плечу, усмехнувшись:

— Ладно, найдём его потом. Отдыхайте хорошенько! В понедельник жду вас на тренировке, будем покорять новые вершины!

Я снова улыбнулась. Блин, Вероника, ты вообще контролируемая, нет?

Тренер ещё раз обнял меня и отпустил, а сам направился в сторону судейской.

А мне надо переодеться и побыть одной.

Я зашла в раздевалку и сразу бросила взгляд в зеркало. Как всегда, всё было идеально. Прическа — аккуратный гладкий пучок из светло-русых волос, стройная фигура, белое платье выглядывало из-под олимпийки. На груди — заслуженная золотая медаль. Захотелось снова улыбнуться. Но

я только угомонила свои эмоции, так что хватит.

В раздевалке уже сидели соперницы и сразу повернулись в мою сторону. Я, не обратив на них внимания, села на скамейку и начала стягивать коньки.

Моя главная соперница Настя, невысокая, голубоглазая, с копной золотых волос, в белой зимней куртке, подошла ко мне.

— Поздравляю с победой, — сказала она с натянутой улыбкой, перекинув чёрную спортивную сумку через плечо. — Но вас, конечно, не обыграть… Впереди Олимпиада, и мы с Яковом не намерены сдаваться, так и знай.

Ой, не завидуй, тем более мне твои поздравления не нужны.

Я усмехнулась.

— Для нас это будет уже вторая Олимпиада, в отличие от вас. Так что…

Так что… я пока не знаю что. Но...

Настя злорадно рассмеялась, оборвав мои мысли:

— Романова, тебе напомнить, что было на прошлой Олимпиаде?

— Не стоит, — резко ответила я, нахмурившись.

Нет, эта девица ещё и на больное давит. Работать надо,

а не ныть, может сможешь тогда и нас обыграть. Хотя... Сомневаюсь. А завидовать нефиг. А особенно постоянно давить на мои больные места. Всю жизнь мне теперь об этом напоминать, что ли? Никогда не понимала тех, кто винит других в своих неудачах.

— Я тоже так думаю, — буркнула она и ушла, хлопнув дверью.

Ой-ой-ой, нежная какая. И ты это, дверь не снеси, больная.

Я вздохнула и стянула олимпийку. Телефон, лежавший на скамейке, провибрировал. Я взглянула на экран.

А, Степашка. Понятно.

"Ты где?"

В Караганде, где ж ещё, олух.

Я быстро настрочила ответ:

"На Бали уехала. Где ж ещё? А тебя тренер потерял."

Он прислал смеющийся смайлик. "Да я уже видел его! Подождёшь меня? Вместе пойдём?"

Ну ладно, ладно. Нам всё равно в одну сторону. Деваться некуда.

"Окей", — ответила я.

Ну что ж, придется подождать. Ладно, признаюсь, я как-

то не против.

Переоде**в**шись, я вышла из раздевалки. В коридоре была тишина. Все уже разошлись. А этот Степашка где-то застрял опять. Я прошла мимо мужской раздевалки и заглянула туда. Никого. М-да.

Ну, конечно. Как обычно. Сколько можно тебя ждать? Вечно где-то пропадаешь!

Я вышла в фойе и прислонилась к стене возле стенда с информацией о соревнованиях.

М-м, как интересно. На плакате было написано про график чемпионата России. Прошло несколько минут.

Нет, ну и долго мне тут стоять как столб? Я как бы если что не робот, а живой человек, и устала, между прочим. Хочется уже домой поскорее. Желательно спать. Потому что каждый день вставать в рань меня выматывает.

Вдруг мимо прошли Богдан и Тоня. Рыжий, зеленоглазый**,** высокий Богдан с чёлкой в ч**ё**рной куртке и Тоня**,** светленькая, с огромными голубыми глазами**,** в белой дублёнке. Милые ребята, но нам не соперники.

Тоня подбежала ко мне и сжала мою руку. О, ну хоть кто-то адекватный, не то что та Настя-истеричка.

— Вероника, поздравляю! Ты просто нереальная! Ты лучшая! — выпалила она. Сами они заняли лишь 6 место.

Богдан кивнул:

— Будем за вас болеть на Олимпиаде!

Я улыбнулась.

— Спасибо, ребята.

— Да кто сомневается, что золото ваше? — добавил Богдан. — И так всё понятно.

Я пожала плечами, снова улыбнувшись. Ну да, что тут сказать?

Они попрощались и пошли в сторону выхода.

Через пару минут я почувствовала, как чьи-то руки закрыли мои глаза.

— Тихо… Угадай, кто? — прошептали у меня над ухом.

Да неужели явился?!

— Хм… Даже не знаю. Может, наш тренер решил меня напугать?

Степка резко развернул меня к себе и крепко обнял.

— Ну ты даёшь, Ника! Поздравляю нас с победой!

Ага, и тебя. Только отпусти, а то задохнусь!

ГЛАВА 4
ВЕРОНИКА

Мы вышли из дворца спорта. Брр, прохладно.

Мороз щипал щёки после тепла на катке. Дыхание превращалось в облачка пара. Над городом — тёмное небо со звёздами. Снег блестел под фонарями.

Стёпа замахал восторженно руками:

— Мы просто легенды, понимаешь? ЛЕ-ГЕН-ДЫ!

Я улыбнулась в ответ. Сейчас вот можно себе это позволить. Действительно, мы легенды, которым пришлось преодолеть столько препятствий, чтобы хотя бы выйти на лёд...

Вокруг чувствовалось приближение праздника. Из витрин магазинов лился т**ё**плый свет, расцвеченный гирляндами и украшениями. В воздухе витал едва уловимый аромат хвои и мандаринов, доносящийся издалек**а.** Редкие прохожие спешили по своим делам, кутаясь в шарфы и поднимая воротники. Слышался тихий шорох шин по заснеженной дороге, да вдалек**е,** приглуш**ё**нный расстоянием, рождественский мотив.

Атмосфера предвкушения Нового год**а** чувствовалась во вс**ё**м, и даже мороз не казался таким уж суровым. Снежинки кружились в воздухе и падали на ресницы, заставляя меня улыбаться.

Не дожидавшись, пока я отвечу, Стёпка вырвал мою сумку из рук.

— Да что ты мучаешься? Дай, я понесу. На хрупких плечах такие тяжести таскать нельзя.

Эм, ну как бы…

Но он уже перехватил лямку и закинул сумку себе на плечо.

— Степ, ну хоть немного дай мне побыть самостоятельной, — пробурчала я.

Мы шли по заснеженной улице, мимо украшенных гирляндами витрин магазинов. Стёпка что-то проворчал себе под нос, скорее всего, ругая тяжесть сумки.

Ну, ничего, ничего. Потерпишь.

— Слушай, может, такси возьмём? — спросил он, немного запыхавшись. — Тут недалеко, конечно, но…

— Нет, — я покачала головой. — Посмотри, какая красота вокруг! Давай прогуляемся. Новый год ведь скоро! И вообще, полезно немного подышать свежим воздухом.

Стёпка нахмурился:

— Ну ладно, как скажешь, — проворчал он, чуть прибавляя шаг. — Только если замёрзнешь, не говори, что я не предлагал ехать.

Я потянула его за рукав, вынуждая замедлиться, чтобы мы могли идти в ногу и наслаждаться этой волшебной атмосферой вместе.

И тут началось.

— Слушай, Ник, ты случайно не магнит? А то меня к тебе так и тянет…

Я закатила глаза. Боже, и это человеку двадцать пять лет!

— Степ, успокойся. Не остроумно, правда.

Он не унимался. Повернул голову ко мне и улыбнулся. Из-под вязаной чёрной шапки выбивались тёмные пряди волос. Голубые глаза, яркие на морозе, смотрели на меня. На нем было надето коричневое пальто, на шее клетчатый красный шарф.

— Ну, серьёзно, единственное, что я ещё не видел в этой жизни — кого-то красивее тебя, — выдал он, подмигнув.

Ну понеслось! Сейчас ты не остановишься!

— Как смешно, Стёпа, прекрати!

Он что-то ещё говорил, я уже и не слушала, когда вдруг зазвонил телефон. Я достала его из кармана и уставилась в экран.

"Эльвира Станиславовна"

Это была моя первая тренерша, которая занималась со мной ещё в юниорах. Честно признаться, жуткие годы. Лучше забыть, как страшный сон.

Стёпка всё тараторил и тараторил о какой-то ерунде, как обычно, и совершенно меня не замечая.

— Степ, ну ты это… хлебалку прикрой, пожалуйста, — сказала я, стараясь не повышать голос.

Он вскинул руки вверх, изображая невинность.

— Полная тишина в студии! — прошептал он, еле сдерживая смех.

— Вероника, девочка моя, поздравляю с победой. Это было шикарно!

— Эльвира Станиславовна, здравствуйте! Спасибо вам большое, очень приятно, — ответила я.

Не успела я договорить, как этот полоумный клоун схватил трубку. Нет, ну что ты себе позволяешь, зараза?!

— Эльвира Станиславовна! Здравствуйте! Это Стёпа, партнёр Ники! Спасибо вам огромное за такую партнёршу! Если бы не вы, я вообще не знаю, где бы сейчас был! — заорал он.

Ну клоун есть клоун.

Я услышала, как тренер смеётся в трубку.

Я закатила глаза, пытаясь вырвать телефон у Стёпки. Как бы мне звонили, а не тебе, ниче тот факт?

— Стёп, ну дай я хоть слово скажу!

Он неохотно отдал мне трубку.

— Эльвира Станиславовна, простите его, он у меня немного… отбитый, — сказала я. — Эльвира Станиславов-

на, с днём рождения вас! Совсем замоталась с этими соревнованиями, забыла совсем! Как вы? Где сейчас? Может, можно зайти?

— Спасибо, Ника, очень приятно. Я сейчас дома, отдыхаю. Но если хотите, приезжайте завтра к нам во дворец, там буду.

— Конечно, Эльвира Станиславовна, обязательно приедем! Завтра, значит, к вам.

Я попрощалась и положила трубку.

— У неё же сегодня день рождения, я совсем забыла, — повернулась я к Стёпе. — Завтра поедем поздравлять, а сегодня нужно отдохнуть.

Стёпа тут же поддержал.

— Правильно! Отдыхать надо! А знаешь что? У моего отца скоро тоже день рождения, и они тебя приглашают в ресторан. Что скажешь?

Так, ну знакомство с твоими родителями в мои планы пока не входит... Но отказать как-то неудобно, что ли?

— Ладно, — ответила я**.** Потом всё решим.

Обсуждая планы на ближайшие дни, мы наконец-то добрались до гостиницы. Высоченная стеклянная громада, сверкающая огнями в самом центре города, казалась маяком в морозной темноте. Отражая россыпь звёзд и свет уличных фонарей, она возвышалась над остальными зданиями, слов-

но заявляя о своей важности. Подъезд украшали еловые гирлянды и мерцающие огоньки, создавая праздничное настроение. Я с облегчением вздохнула. Неужели пришли?

Хочется уже просто принять душ, выпить чашку чая и забыть обо всём.

Я глянула на Стёпку, который приближался к двери. Ты же мне не дашь расслабиться. Но зато... С тобой не бывает скучно никогда.

И да, за это я тебя ценю. Наверное.

ГЛАВА 5
ВЕРОНИКА.

Стёпа распахнул передо мной стеклянные двери гостиницы.

— После вас, мадмуазель! — произнёс он с нарочно французским акцентом.

Я направилась к стойке регистрации, чтобы взять ключ от номера, но Стёпа меня опередил. Да ты когда-нибудь дашь мне побыть самостоятельной?!

— Добрый вечер, нам пожалуйста, от 75-го и 76-го номеров.

Администратор, приветливая женщина с короткой стрижкой, улыбнулась и подала ключи.

— Всё в порядке, — Стёпа протянул ключи-карты. — Наши номера на седьмом этаже, прошу за мной!

Да ты что? А вот я не знала! Спасибо, что посвятил.

Он вызвал лифт, и мы вошли в кабину. Стёпа тут же достал телефон, включил камеру и начал кривляться, строя смешные рожи и издавая нелепые звуки, отражаясь в зеркальных стенах.

Это когда-нибудь закончится вообще?! Смешно, конечно, но не на каждом шагу ведь себя так вести.

— Целуйте мониторы, я в сети!

Я дёрнула его за рукав:

— Стёпа, ну прекрати, пожалуйста.

— Да ладно тебе, — ответил он, не переставая корчить рожи. В конце концов, мы сделали несколько более-менее нормальных совместных фото.

Когда двери лифта открылись и мы вышли в коридор седьмого этажа, я не удержалась:

— Дай посмотрю, что ты там нафотографировал!

Стёпа неохотно протянул мне телефон. Я начала пролистывать фотографии и тут же закричала:

— Стёпа! Что это за ужас?! Удаляй немедленно!

На фотографиях мы были похожи, как будто сбежали с дурдома.

— Ничего подобного! Это шедевр! Искусство требует жертв! — Стёпа попытался выхватить телефон обратно. Началась шутливая борьба.

— Отдай телефон! — я пыталась вырвать телефон из его рук.

— Не отдам! Сам удалю!

Ага, удалишь, как же, знаю я тебя! Отдай немедленно, придурочный!

Я крепко вцепилась в телефон, он же резко дёрнул, но не удержался, потерял равновесие и полетел назад, врезавшись спиной в тележку уборщицы, которая как раз выходила из номера. Ну да, неудивительно уже. Бедная женщина, нафига ты её снёс?

— Ой! — вскрикнула уборщица — невысокая, полноватая, с каштановыми волосами, убранными в небрежную шишку, в бордовой униформе — едва успев удержаться на ногах.

Я не смогла сдержать смех.

— Ой, извините, пожалуйста! Мы не хотели!

— Ничего страшного, с кем не бывает, — ответила уборщица с лёгкой улыбкой и закатила тележку в другой номер.

Так, ну если ты уж начал, то я продолжу.

— Догони! — крикнула я и бросилась бежать к нашему номеру.

— А ну стой! — Стёпа кинулся за мной в погоню.

Я открыла номер картой-ключом и забежала внутрь. Стёпа влетел следом. Он с грохотом бросил наши сумки в угол, затем помог мне снять куртку и шарф.

Надо быстрее валить от этого Стёпы подальше, куда-нибудь. Я огляделась.

Да чтоб вас всех, даже спрятаться некуда! Они тут вообще думают о клиентах, что, если их будут умалишенные пресле-

довать, что даже бежать некуда?

Номер был выполнен в минималистичном и элегантном дизайне. Центральное место занимала большая двуспальная кровать с белым постельным бельём, несколькими подушками и аккуратно заправленным покрывалом. Кровать стояла на тёмном деревянном полу с глянцевым покрытием, подчёркивающим тёплые тона дерева.

Рядом с кроватью — низкий прикроватный столик с лампой.

Ну что ж, единственное место — это ванная! Значит, туда.

Стёпка замахал руками, пытаясь меня схватить, а я резко отступила назад, пытаясь не попасть в его лапы, но тут же споткнулась о лямки наших сумок, которые он небрежно бросил возле двери, и полетела на пол. Ну класс, конечно.

Стёпа успел схватить меня за руку.

— Осторожно! — закричал он, притягивая меня к себе.

Вместо того чтобы извиниться, Стёпа ухватился за возможность вернуть телефон. Он попытался вырвать его из моих рук, и началась новая борьба.

Идиот! Всё равно не отберёшь.

Но тут он начал меня щекотать. А вот это уже было лишнее. Я до смерти боюсь щекотки, как бы.

— Всё, сдаюсь! Сдаюсь! — прокричала я, задыхаясь от смеха.

Наконец мы успокоились, и он поднял меня с пола, и мы уселись на кровать.

— Я сейчас чайник поставлю, — сказал Стёпа и направился к столу. Он взял чайник и ушёл в ванную.

— Тебе, как и мне, зелёный? — крикнул он из ванной.

— Ага, — кивнула я.

Ох, неужели можно просто полежать...

— И ещё пообещай, что больше не будешь так кривляться в лифте!

Стёпка вышел из ванной с белым чайником и улыбнулся мне:

— Обещать не могу, но постараюсь!

Потом он подошёл к столу и поставил чайник на плиту, щёлкнул по кнопке включения, после чего повернулся ко мне:

— У тебя что-нибудь перекусить найдётся? А то в столовку уже поздно тащиться, — поморщился он.

— В холодильнике вроде что-то было, — пожала я плечами.

— Сейчас глянем, — вздохнул он и наклонился к ящику.

Открыл холодильник. И ахнул так, что у меня сердце ухнуло.

— Ты чего? — выдохнула я.

Он повернулся в мою сторону и встретился со мной взглядом.

— Мышь, — прошептал он.

— Что? Какая мышь? — не поняла я и залезла на кровать ногами.

Мышей каких-то тут ещё не хватало!

— Да у тебя тут мышь повесилась.

— Да ты придурок? — взвизгнула я.

Стёпка залился истеричным смехом.

— Ага, у тебя не лучше! — сквозь смех выдавила я.

— Так. Я сейчас схожу посмотрю, что есть в холодильнике у меня. А то голодный, как собака. Ты тоже не хуже.

— Да ладно тебе, — отмахнулась я.

— Не ладно — с этими словами он обулся и вышел из номера.

Нет, ну с этим придурком я в дурдоме окажусь скоро!

Я встала с кровати и подошла к двери, где валялись наши сумки и куртки. Вот что за бардак? Терпеть не могу. Пришлось поднимать и вешать на крючок.

Потом я наклонилась, чтобы поставить ровно ботинки и убрать сумки в сторону. Через несколько минут отворилась дверь и вошёл Стёпка.

— А что это ты тут делаешь? — поинтересовался он.

— Бардак убираю после тебя, не видно? — посмотрела я

на него.

— Ох, cinderella моя, — умилился он.

— Ну, а ты как думал? Ещё раз навернёшься на этих лямках, что ли? Нет, спасибо.

— Это да, — кивнул он — Такого там не надо. Травм не нужно. Впереди ещё олимпиада, как никак. Верно?

— Верно, верно — закивала я.

— Так, ну смотри чё принёс.

Он протянул мне две пачки овсяного печенья с шоколадом и небольшую пачку молока.

— Это просто божественно! — протянул он — особенно с молоком.

— Ага. Эстетично, очень даже — согласилась я, забирая у него еду.

Честно, очень даже хотелось есть, как будто не ела три дня.

— Это всё то, что мы любим, — сказал он, разуваясь.

— И хоть как-то пропитание. Раз мамонта добыть не сумел, — ответила я, проходя в комнату, открывая пачку печенья и садясь на пол к телевизору.

— Согласен. А то сейчас загнусь, — ответил он, взял печенье из пачки, уселся рядом.

— И так, — продолжал он, жуя, — теперь мы должны взглянуть на нас самих и на то, что мы создали, — подмиг-

нул он и взял пульт от телевизора.

Я потянулась за одноразовыми стаканами.

— Ты ж чай хотел вообще, — напомнила я, посмотрев на чайник.

— Да ну, молоко сюда лучше подходит. А чай пусть пьёт твоя мышь в холодильнике, — нахмурился он.

Я рассмеялась:

— Ну приятного чаепития ей.

— Так, — важно начал Стёпа, перематывая прокаты по фигурному катанию. — Ну, эти нас не интересуют. Эти тоже. Александрова и Запольский тоже. О, Яков и Настя — такое себе. Это тоже мимо.

— Кстати, эти двое, Богдан и Тоня, неплохо выступили, — кивнула я.

— Ну да, согласен, — вздохнул Стёпа. — Было сложно им, поэтому всё запороли, но им всего по 19 и 21 году. Всё впереди у них, я считаю.

— Ага. Ты нас вспомни. Мы ж в их годы тоже не были на пьедестале.

— Главное, что сейчас лидеры, — толкнул он меня в плечо.

На экране объявили результаты Насти и Якова, потом камера переключилась на нас. Мы стояли около бортика: я, невысокая, по плечу Стёпе, в белом платье, и Стёпка, высокий, в чёрной рубашке с закатанными рукавами и чёрных брюках. Тёмно-каштановые волосы средней длины убраны

назад. Он взглянул на потолок, готовый к бою, потом посмотрел на меня и взял за руку.

Через секунду нас пригласили на лёд.

Мы выползли на лёд и быстрыми движениями заскользили к середине катка.

Треш — что у нас с лицами?

Такие серьёзные, как будто на каторгу идут. Ладно, смотрим.

ГЛАВА 6
СТЕПАН

— И мы снова на льду, друзья! Звучит музыка! Знакомые скрипичные аккорды, как всегда, пробирают до мурашек. И на лёд выходят Степан Ростовский и Вероника Романова! Смотрите, как они начинают — синхронно, чётко, с какой уверенностью в каждом движении!

«Да, Сергей. Кажется, они сегодня настроены решительно. И вот — первая подкрутка! Какая высота, какая амплитуда! Степан поднимает Веронику невероятно высоко!»

Комментатор 1: «Идеальный захват! Вероника вращается легко и изящно. И… чистейшее приземление! Браво! Кажется, они сегодня готовы показать свой максимум!»

Комментатор 2: «Далее — сольный параллельный! Оба идут на тройной тулуп! Посмотрите, какая точность! Полная синхронность! Безупречное исполнение, как по учебнику!»

Комментатор 1: «Просто невероятно. Кажется, они совсем

не чувствуют давления! Каскад! Первый тройной тулуп — уверенно! И второй — блестяще выполнен! Лёгкость и грация в каждом движении!»

Комментатор 2: «А сейчас один из самых сложных и красивых элементов — тодес! Вероника скользит, практически касаясь льда! Весь зал замер, затаив дыхание! Какое идеальное исполнение! Ни единой помарки!»

Комментатор 1: «Музыка становится более напряжённой! Пришло время выбросов! Первый — тройной риттбергер! Взлетает Вероника, как птица! И снова идеальное приземление! Браво, Степан и Вероника!»

Комментатор 2: «Безупречный прокат! А вот и второй выброс — тройной сальхов! Посмотрите, Степан, какое делает ускорение при выбросе, он уверен в Веронике! И посмотрите, как она грациозно вращается в полёте! Ох, идеальное приземление!!! Просто великолепно!»

Комментатор 1: «Поддержки! Какая сила и грация! Они словно парят над льдом! Это просто космическое зрелище!»

Комментатор 2: «И сейчас — хореографическая дорожка! Музыка и движения сливаются в единое целое! Каждый жест, каждый взгляд — это часть истории, которую они нам рассказывают! Вероника просто прекрасна!»

Комментатор 1: «Финальные параллельные и парные вращения! Какая синхронность! Они вращаются, как одно целое! Это просто завораживает!»

Комментатор 2, с восторгом:

«Просто невероятно! Степан Ростовский и Вероника Романова показали нам выдающийся прокат! Великолепное выступление!»

Комментатор 1: «Да, это было действительно впечатляюще! Публика в восторге! Уверена, что сегодня мы увидим высокие оценки! Это заявка на победу, дорогие друзья!»

Вероника взяла пульт и выключила телевизор.

Потом повернулась ко мне, усмехнувшись:

— Ну и как, похоже на нас?

Я вздохнул.

— Красиво… аж до мурашек. Словно мы в сказке какой-то.

Вероника прижалась ко мне плечом и тихо проговорила:

— Сказка, которую мы сами написали... Каждым падением, каждым подъёмом, каждой тренировкой в три часа ночи.

Я усмехнулся. Да, это действительно было так. И мы смогли взлететь, но что, если это будет ненадолго? Что, если опять упадём туда, откуда взлетели?

Вероника повернулась ко мне:

— А ты чего такой? Какой-то… потерянный. Ты же у нас всегда оптимист.

— Боюсь, — признался я тихо. — Боюсь всё это потерять. Боюсь, что это ненадолго.

Вероника нахмурилась.

— Что ты такое говоришь? После всего, что мы прошли? После стольких побед?

— Именно поэтому и боюсь, — я провёл рукой по волосам. — Всё слишком идеально. Как будто вот-вот что-то сломается. Что тот идеальный прыжок, который мы делаем каждый раз, в один момент не получится. Что я тебя не удержу, если поскользнёшься.

Вероника взяла моё лицо в ладони, заставляя смотреть ей в глаза.

— Стёп, ты меня держишь всю жизнь. Не только на льду. Мы — команда. Помнишь? Когда тебе было хуже всего, я же не отвернулась.

— А знаешь, что ещё страшно? — продолжил я, глядя в ночной город. — Что когда-нибудь это закончится. Что мы уйдём со льда, и нас забудут.

— Ну уж нет! — Вероника резко вскочила на ноги. — Мы не дадим себя забыть! Мы ещё не сказали своё последнее слово.

Я коротко рассмеялся:

— А что мы скажем? Мы легенды, всем молчать и не забывать?

Вероника рассмеялась в ответ:

— Нет, не так. Мы должны оставить след! Мы должны сделать что-то такое, что останется в истории фигурного катания навсегда. Мы должны создать танец, который будут помнить и которым будут вдохновляться. Танец, который расскажет нашу историю. Нашу боль, нашу страсть, нашу любовь.

— И что это будет за танец? — спросил я.

Вероника обернулась ко мне:

— Это будет танец, который покажет, что даже из самых тёмных глубин можно взлететь к звёздам. Танец о надежде. О вере. И о том, что главное — это никогда не сдаваться.

Она протянула мне руку, я встал с пола и прижал Веронику к себе. Вот так бы стоять вечно, в таком уюте и спокойствии.

— Спасибо тебе за всё, Ника, — прошептал я ей на ухо. — Без тебя… я бы давно ко дну пошёл.

Я крепче обнял её, потом отстранился, взяв её за предплечья и посмотрел ей в глаза:

— Ты ведь помнишь, как всё было?

Старые раны снова дали о себе знать. Тогда… слова застревали в горле, а тишина оглушала. Судьба разорвалась, оставив после себя только пустоту. Мир перевернулся, и мы увидели то, что тщательно скрывали.

Что же случилось в тот роковой день? И кто мы теперь друг для друга — друзья, враги или просто чужие люди?

Вероника отвела взгляд и отстранилась от меня. А я , не сводя с неё взгляда, продолжал:

— Ты ведь могла забыть о том кошмаре, который тебя сломал. Подняться, идти вперёд, ни на кого не оглядываясь, и покорить этот мир в одиночку. В тебе была эта сила. Но ты… Почему ты выбрала другой путь?

Вероника судорожно выдохнула и скрестила руки на гру-

ди, потом посмотрела мне в глаза и строго произнесла:

— Ты знаешь, что есть вещи, которые лучше не трогать. То, о чем ты говоришь, — одна из них. Зачем ты снова открываешь эту дверь в ад? Давай закроем ее навсегда. Сотрем из памяти, как будто этого никогда не было. И поклянемся молчать об этом до конца жизни.

Я промолчал и отвел глаза, уставился в большое панорамное окно, где большими хлопьями валил снег. Ника аккуратно взяла меня за подбородок одной рукой, заставив снова посмотреть ей в глаза, и тихо попросила:

— Давай просто забудем это. Навеки. Клянись, что больше никогда не вернешься к этому.

Я снова промолчал. Я не могу вот так забыть это, как будто и не было. Не могу. А как же ты можешь? Почему?

Ника взяла моё лицо в свои ладони и прошептала:

— Никогда… слышишь? Никогда больше не поднимай эту тему.

После чего отошла к окну, скрестив руки на груди, и уставилась в ночной город. Я сглотнул и подошёл сзади.

— Ник… — позвал я шёпотом.

Она резко повернула голову ко мне и встретилась со мной взглядом.

— М-м?

Я вздохнул. Надо начать издалека.

— Ты думала о том, что будешь делать… После завершения карьеры?

Ника замолчала, потом нахмурилась и раздражённо толкнула меня и пошла к кровати:

— Ростовский... Отстань от меня с такими вопросами, — пробурчала она.

И вот почему ты так психуешь? Обычный вопрос же.

— Что такого я спросил? Я просто... — начал я, развернувшись к ней, но она перебила, встав около кровати и глядя на меня.

— Ростовский, ещё слово, и вылетишь отсюда, — нахмурилась она и расправила одеяло.

— Я просто поинтересовался. Мне ведь интересно, — пожал я плечами.

— Интересно? — спросила она, вскинув бровь.

— Да.

— Тогда пошли, — она протянула мне руку.

Я нахмурился. Куда это ещё?

— Пошли, пошли, — закивала она, протягивая мне руку и подзывая меня к себе.

Я подошёл к ней и взял за руку.

Она потащила меня за собой к двери, открыла и, отцепив руку от своей, выставила в коридор, толкнув в спину.

Это ещё куда? Мы не договорили!

Я резко развернулся. Ника схватилась за ручку двери и перед тем, как захлопнулась дверь перед моим лицом, сказала:

— Все. Спокойной ночи.

Ну, классно! Слово у тебя закон, это, конечно, да. Но вот так?

Через секунду дверь открылась и Ника всунула мне куртку и сумку.

— Мне ещё бардак за тобой убирать.

После чего дверь снова закрылась.

Я почесал затылок и зашёл к себе в соседний номер. Кинул спортивную сумку на тумбочку, повесил куртку и прошёл к кровати. Потом рухнул спиной на нее и уставился в белый потолок. Ника, Ника, что же ты со мной делаешь?

Мы — Степан и Вероника — лучшие фигуристы мира, непобедимая пара… но неужели люблю только я? Неужели это больше не взаимно?

Я наслаждался этим моментом, не загадывая наперёд, но сейчас...

Перечеркнуть прошлое… стать чужим для родного. Как такое возможно? И как после этого вообще можно жить спокойно? Какая сила способна так легко смахнуть всё, что казалось вечным? Как можно пройти путь от 'мы' к 'они', оставив лишь пепел воспоминаний?

Тот день… проклятый день, когда мы дали клятву. Никаких чувств, никакой личной жизни, только лёд и победа. "Ничего личного".

Возможно, именно эта жертва и сделала нас лидерами сборной…

Но лёд скользкий не только под коньками. Он скользкий и для обещаний.

Ника**,** я люблю тебя не просто как партнёршу. Не только как талантливую спортсменку, с которой мы делим триумфы и поражения. Я люблю тебя за упрямство на тренировках, за силу, с которой ты преодолеваешь боль и усталость. За то**,** что никогда не сдаёшься, никогда не жалуешься, никогда не ноешь. За то**,** что умеешь падать, вставать и идти вперёд**,** несмотря ни на что. За то**,** что умеешь слушать меня и понимать как никто другой, за то**,** что всегда находишь слова поддержки, за то, что каждый день вдохновляешь меня.

За твой тихий смех, за ироничный взгляд, за те редкие моменты нежности, которые ты себе позволяешь.

В конце концов**,** за твою неземную красоту. Светло-русые волосы часто небрежно заплетены на тренировках в две косы или в высокий хвост, серые глаза, в которых отражается вся сила твоего духа, губы с чётким контуром, не пухлые, но и не тонкие, ровный нос и бархатная кожа. Ты можешь быть нежной и ранимой, но твой взгляд всегда говорит: "Я справлюсь". А когда ты собираешь волосы в пучок… всё, передо мной командир. Строгая, сосредоточенная, невероятно красивая в своей решимости. Хочется спрятать тебя от всего мира, прижать к себе и никогда не отпускать...

Но любое проявление — будь то взгляд, жест, случайное прикосновение — может разрушить хрупкий баланс, выстраиваемый годами, привести к катастрофе не только на

льду, но и… в наших сердцах.

Боже, что, если моя лавина чувств рано или поздно нас похоронит? Что, если цена нашей победы окажется слишком высокой?

Скоро Олимпиада... И нормальные бы радовались, но не я. Раньше мы бы, возможно, и не думали об уходе после неё. Продолжали бы выступать, выигрывать медали… Но теперь это наш последний шанс...

Когда я думаю о том, что я сделал… Мне становится страшно. Страшно от того, на что я способен. Поэтому я запретил себе вспоминать.

А то, что сделал я… оно способно разрушить настоящее, если хоть на миг позволить себе к нему прикоснуться.

Тебе, Ника, тяжело было кататься со мной, я видел это… Я помню… как ты смотрела на меня. После всего, что нам пришлось пройти. Этот взгляд — он говорил о боли, о разочаровании, о странном, пустом равнодушии. Ни слова, ни смеха, ни тепла. Только холод, такой же, как в моей душе. И вот после этого… будто бы никогда и не было нас, мы стали чужими. Или, может быть, всегда ими были, просто не знали?

Но ты... Ты не бросила меня, несмотря на свою боль... Боже, откуда же у тебя столько терпения и силы?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.